

Р.В. Леков

Империализм – американское мироустройство в постбиполярный период

Ключевые слова: империализм, НАТО, неоконсерватизм, проблемы безопасности, военные расходы, либеральный порядок, геополитические интересы.

США – страна с имперскими амбициями, считающая, что абсолютно ничто не имеет столь кардинального значения для сохранения мира во всем мире, как ее мощь. Вашингтон старается убедить весь мир, что если руководство США распорядится незамедлительно вывести американские вооруженные силы с трех главных плацдармов их зарубежного базирования – из Европы, с Дальнего Востока и из района Персидского залива, то планета, вне всякого сомнения, почти немедленно окажется во власти стихии политического кризиса [1, с. 32]. Данная теория необходима для того, чтобы оправдать необходимость существования НАТО, и расходы, которые выделяются Конгрессом не на покрытие внешнего долга США, а на поддержание первоклассных вооруженных сил.

Империализм – вот система, которая сегодня выстраивается Соединенными Штатами. При этой системе политические и финансовые элиты экспроприруют земли, труд, ресурсы и рынки зарубежных народов. Конечным результатом является обогащение меньшинства и обнищание большинства. Империализм использует принудительные и часто жестокие методы для того, чтобы предотвратить появление конкурирующих экономических и политических систем. Правительства, которые оказывают сопротивление, подвергаются «наказанию», а уступчивые правительства или зависимые «вознаграждаются» [2, с. 178].

Имперский выбор был сделан Соединенными Штатами недавно. Он не был результатом целенаправленных усилий. Напротив, американские руководители сочли его наиболее легким решением. Этот выбор был продуктом обстоятельств: крушение советской системы, создавшаяся в определенный момент иллюзия всемогущества породили мечту о глобальной и стабильной гегемонии.

Одна супердержава – Америка – испытывает преувеличенное стремление к лидерству, руководствуясь при этом в своих действиях не правилами и законами, а практической целесообразностью, отвергая любые моральные соображения [3, с. 60].

Всем, кто желает поразмышлять об американской системе в историческом разрезе, приходится проводить сравнение с двумя античными империями –

афинской и римской. Первый пример приходится по вкусу почитателям Соединенных Штатов, второй – их критикам.

Благоприятная по отношению к Соединенным Штатам позиция, как правило, предопределяет выбор Афин в качестве ориентира. При этом подчеркивается, что в случае с Соединенными Штатами установление сферы политического доминирования за пределами национальных границ не было результатом военных завоеваний римского типа.

Для Рима расширение территории составляло смысл истории. Сам генетический код древнего города, казалось, включал в себя принцип экспансии с помощью военной силы. Все остальное – внутренняя политическая жизнь, экономика, искусство – было второстепенным. Афины, напротив, с самого основания были городом торговцев и ремесленников, местом появления философии и демократии. Их военная судьба была результатом персидской агрессии, которая вынудила Афины вместе со Спартой возглавить сопротивление греческих городов. После первого поражения Персии Спарта, держава сухопутная, вышла из дальнейшей борьбы, тогда как Афины, держава морская, продолжили ее, создали конфедерацию городов – Делосский союз. Самые сильные члены объединения поставляли корабли, а самые слабые – деньги. Так образовалась сфера влияния Афин и сохранилось вместе с тем своего рода демократическое лидерство [4, с. 74].

Соединенные Штаты, которые вначале, до нападения на Перл-Харбор, как и Афины, были главным образом морской державой, приверженной изоляционизму, не могут обвиняться во врожденном милитаризме и территориальном империализме по образу и подобию Рима. Создания НАТО горячо желали все европейские союзники Соединенных Штатов. Параллель между Атлантическим альянсом и Делосским союзом не является, таким образом, неуместной. Причем роль создающей угрозу Персии играл в этом «представлении» Советский Союз.

Но это оптимистическое и либеральное видение Атлантического альянса может соблазнить только тех, кто забыл продолжение афинской истории. Довольно быстро Делосский союз переродился. Большинство союзных городов поспешили избавиться от своих военных обязательств, предпочтя выплачивать Афинам подать – форос – вместо поставок кораблей с судовыми командами. Лидирующий полис

в этой ситуации решил завладеть общей казной, находившейся на острове Делос, и воспользоваться ею для того, чтобы финансировать не только гарантированное повиновение строптивых городов, но и строительство храмов на Акрополе. Данный пример мог бы подтолкнуть европейцев и японцев к «реалистическим» размышлениям по поводу своей собственной военной политики [5, с. 34].

Но пока США находятся на пике своего могущества, они наверняка постараются сделать все для того, чтобы сохранить свое глобальное лидерство. Благо возможности, которыми располагает Вашингтон, могут им это позволить. Лидеры этой страны руководят военным аппаратом, никогда ранее невиданным в истории человечества. Войска США располагаются более чем на 395 основных военных базах и на сотне второстепенных военных объектах 35 зарубежных стран, а также существует военно-морской флот, который по общему тоннажу и огневой мощи превышает все военно-морские флоты других стран, вместе взятых. Эскадрильи самолетов-бомбардировщиков и ракеты дальнего действия США могут достичь любой цели. Они несут боевой запас, мощность которого достаточна для того, чтобы разрушить целые страны при силе поражения более 8 тысяч единиц стратегического ядерного оружия и 22 тысячи единиц тактического оружия. Силы быстрого развертывания США имеют огневую мощь, далеко превосходящую огневую мощь любой другой страны, и способны убивать безнаказанно, как это показали массовые убийства в Югославии, Ираке, Афганистане [2, с. 57–58].

Разумеется, содержание первоклассных вооруженных сил обходится американской казне в значительную сумму. В мире нет страны, которая расходовала бы в военной сфере средства, сопоставимые с американскими. Эти военные расходы тем легче переносятся экономикой США, чем шире объем американского военного экспорта, превышающего военный экспорт всех остальных продающих оружие держав, вместе взятых. В новый век Америка вошла как величайший производитель и торговец оружием — среднегодовые продажи американского оружия превышают 15 млрд долл. (50% всей мировой торговли оружием — по сравнению с 26,7% десятилетием ранее) [6, с. 96]. Стимулирующим фактором является государственная программа иностранной военной помощи (ФМА). За вторую половину XX в. внешний мир приобрел американского оружия примерно на 0,5 трлн долл. [7, с. 146]. Получатели американского оружия так или иначе становятся клиентами США не только в военной области. Это мощный рычаг воздействия на экономику и внешнюю политику получателя военной помощи. В данном контексте помощь обслуживает интересы доноров, а не «реципиентов», так как предоставление помощи определяется интересами национальной

безопасности, вытекающими из геополитических устремлений США [8, с. 26].

Америка продолжает реконструировать НАТО в сторону расширения в восточном направлении, создает систему европейской безопасности без участия России. В июле 1990 г. в личном письме Горбачеву президент Дж. Буш старший пообещал: «НАТО готово сотрудничать с вами в строительстве новой Европы». Запад, по меньшей мере, дважды (особенно определенно на сессии 1991 г. в Копенгагене) пообещал не воспользоваться сложившейся ситуацией ради получения геополитических преимуществ над и без того развалившимся Востоком. Как подтвердилось довольно скоро, обещания в политике — вещь эфемерная. В январе 1994 г. президент Клинтон указал на возможность расширения НАТО за счет бывших членов Варшавского договора [9, с. 414]. Строго говоря, речь идет не о полумиллионной армейской «добавке» к семимиллионному контингенту НАТО вблизи российских границ. Кремль, говоря о расширении НАТО, имеет в виду сигнализируемую этим расширением Североатлантического блока новую изоляцию страны. Это уже третья с начала XX в. попытка Запада исключить Россию из системы общеевропейской безопасности. Первая попытка — создание Версальской системы и формирование «санитарного кордона» на западных границах России. Исключение России (как и Германии) привело к мировой войне. Вторая попытка озаглавлена «планом Маршалла» и созданием НАТО. Это вызвало сорокалетнюю «холодную войну» с фантастическими расходами ресурсов и психологическим угнетением трех поколений. Третья попытка создать систему европейской безопасности предпринимается сейчас на наших глазах.

В контексте вышесказанного хотелось бы привести слова Верховного представителя ЕС по внешней политике Хавьера Солана на конференции по политике и безопасности в Мюнхене: «...немного можно добиться без России, но уж точно ничего, действуя против нее» [10, с. 1].

Расширение НАТО — наиболее очевидный и грозный признак нового курса Запада в отношении России. Москве предлагают безучастно смириться с фактом, что блок, созданный в военных целях, ничем не станет угрожать нашей стране, даже если приблизится вплотную к ее границам. Придерживаются ли западные страны подобной логики по отношению к себе? Скажем, США, официально признавая, что в настоящее время на горизонте для Америки не видно военной угрозы, тем не менее не сокращают вооруженные силы и не распускают военные блоки, ибо задают себе правомерный вопрос: а что будет через 10–20 лет? С их точки зрения, забота Запада о безопасности абсолютна, забота России — претенциозная нервозность.

Сегодня международные отношения строятся на основе силы, а не закона; сила доминирует, а закон признает то, что доминирует. Соединенные Штаты после холодной войны, безусловно, доминирующая держава в мире, следовательно, у них есть возможность навязывать свои взгляды, интересы и ценности миру. Принятие американских ценностей должно пойти миру на пользу, поскольку американская модель доказала свое превосходство.

Подобный взгляд на внешнюю политику является составной частью комплексной идеологии, которую обычно называют неоконсерватизмом. Данный подход игнорирует роль сотрудничества и все сводит лишь к конкуренции. Идеи неоконсерватизма были изложены в проекте «Новый американский век» в 1997 г. Из документа следует, что американская политика в сфере иностранных дел и обороны потеряла стержень. Консерваторы резко критиковали непоследовательные действия администрации Клинтона. Они также противостояли проявлениям изоляционизма в собственных рядах. Однако у них не было четкого стратегического видения роли Америки в мире. Не было и основополагающих принципов американской внешней политики. Они позволили разногласиям по вопросам тактики помешать достижению согласия по стратегическим целям. Они не настояли на таком оборонном бюджете, который бы обеспечил безопасность Америки и позволил отстаивать ее интересы в новом столетии.

В документе также отмечается: «повороты в международной политике и сокращение оборонных расходов, недостаточная государственная мудрость и неровный стиль руководства все более осложняют поддержание американского влияния на мир. Перспективы быстрой коммерческой выгоды вот-вот возьмут верх над стратегическими соображениями. Все это подрывает способность нации отвечать на существующие угрозы справляться с грядущими потенциально более серьезными проблемами.

Конечно, Соединенные Штаты должны проявлять осмотрительность в применении силы. Однако Вашингтон не можем уклоняться от ответственности и издержек, связанных с глобальным лидерством. Америка играет ключевую роль в обеспечении мира и безопасности в Европе, Азии и на Ближнем Востоке. Увиливание от этой ответственности поставит под угрозу их фундаментальные интересы. История XX столетия ясно показывает насколько важно взять ситуацию под контроль до того, как разразится кризис, и ответить на угрозу, пока она не стала роковой» [11, с. 4].

Для реализации этих планов США должны:

- 1) значительно увеличить расходы на оборону и модернизировать свои вооруженные силы в будущем;
- 2) укрепить связи с демократическими союзниками и бросить вызов режимам, которые не принимают их интересов и ценностей;

- 3) поддерживать движение за политическую и экономическую свободу за рубежом;

- 4) взять на себя ответственность за особую роль Америки в сохранении и распространении международного порядка, благоприятного для безопасности и процветания Соединенных Штатов».

Под этим документом подписались Дональд Рамсфелд, Пол Вулфовиц, Дик Чейни, Джеб Буш, Фрэнсис Фукуяма и др.

Подобная политика в рейгановском духе, опирающаяся на военную мощь и ясность устремлений, сегодня крайне популярна.

Ирак вполне мог оказаться демонстрационной целью просто в силу осуществимости подобного проекта. Эффект атаки против Афганистана был сомнительным. Беспокойство вызывала возможность того, что сотысячная американская группировка увязнет в боях в горных районах на полгода. Хрупкий же деспотический режим Ирака можно было легко сокрушить, это казалось вполне осуществимым. США должны были захватить Саддама, если хотели, чтобы войну против терроризма приняли всерьез.

Но есть и более прагматичные геополитические соображения, которые говорят в пользу свержения Саддама Хусейна. Пожалуй, единственной серьезной помехой, не позволяющей Америке в полной мере быть хозяйкой собственной судьбы, является ее зависимость от импорта нефти. Ирак занимает стратегическое положение, а его запасы нефти уступают только запасам Саудовской Аравии. Его оккупация и перенос туда американских военных баз из Саудовской Аравии могли бы обеспечить хорошую альтернативу саудовской нефти. Не следовало сбрасывать со счетов и еще один фактор. Мировые запасы нефти становятся все более ограниченными, и кран, запирающий иракскую нефть, раньше или позже все равно пришлось бы открыть. Однако отмена эмбарго, пока Саддам Хусейн находился у власти, была слишком опасной, поэтому его необходимо было устранить.

Вторжение само по себе было блестящим с военной точки зрения. Все произошло быстрее и с меньшими потерями, чем предполагалось, даже в отсутствие Турции. К тому же после военного успеха Совет Безопасности принял вторую резолюцию (№1483), которая признавала оккупацию Ирака и создавала законную основу для нее. Резолюция №1483 фактически узаконила задним числом несанкционированную военную акцию, чего прежде не делала ни одна резолюция ООН [12, с. 66]. Речь в ней шла главным образом об особенностях функционирования иракской верховной власти в течение неопределенного оккупационного периода. Можно, конечно, говорить, что это выходит за рамки существующего международного законодательства, однако резолюцию нельзя считать незаконной, поскольку Совет Безопасности ООН наделен законодательной властью. Идеологи

американского превосходства всегда считали, что международные отношения строятся на основе силы, а международное законодательство просто придает легитимность достигнутому с помощью силы. В случае с Ираком так и произошло.

Цель Соединенных Штатов сегодня – уже не защищать демократический и либеральный порядок, который даже в Америке постепенно лишается содержания. Главным вопросом становятся поставки товаров и капиталов: основная стратегическая цель Соединенных Штатов отныне – в обеспечении политического контроля за мировыми ресурсами. Однако современный мир стал слишком обширным, слишком населенным, слишком грамотным и слишком демократическим, такой мир в одиночку контролировать невозможно.

Приведение к повиновению реальных противников американской гегемонии, т.е. подлинных стратегических игроков, каковыми сегодня являются Россия, Европа, Япония и Китай, оказывается целью недостижимой, несоизмеримой с возможностями США. Америка вынуждена вести с ними переговоры и все чаще соглашаться с их условиями [4, с. 152].

После развала Советского Союза Соединенные Штаты уверовали в возможность распространения своей гегемонии на всю планету, однако чтобы добиться стабильной всемирной гегемонии, для Соединенных Штатов в сфере реального соотношения сил

были необходимы два условия. Прежде всего сохранение полного господства над европейским и японским протекторатами, которые отныне составляют полюсы реальной экономической силы, так как настоящая экономика должна определяться скорее производством, чем потреблением. В Вашингтоне уверены: пока Европа и Япония признают американское лидерство, США неуязвимы. И второе – окончательное сокрушение российской стратегической державы, т.е. тотальная дезинтеграция бывшей советской сферы влияния и полная ликвидация ядерного равновесия, что сделало бы Соединенные Штаты единственной страной, способной нанести удар в одностороннем порядке по любой стране мира без риска получить отпор. Но пока Россия все еще остается державой, ядерный арсенал которой может служить преградой для военного всемогущества Соединенных Штатов.

Сегодня уже можно констатировать, что ни одна из этих целей не была полностью достигнута. Движение Европы к единству и автономии не было остановлено. Япония более скрытно сохраняет свою способность действовать самостоятельно, если у нее однажды возникнет такое желание. Что касается России, то она стабилизируется. Столкнувшись с неоимпериализмом США, Москва начала модернизировать свою армию и стала эффективно и изобретательно действовать на дипломатическом поприще.

Библиографический список

1. Бжезинский, З. Выбор: мировое господство или глобальное лидерство / З. Бжезинский. – М., 2005.
2. Паренти, М. Власть над миром / М. Паренти. – М., 2006.
3. Червов, Н. Контуры геополитики США / Н. Червов, Д. Толоконников // Обозреватель-observer. – 2008. – №4.
4. Тодд, Э. После Империи / Э. Тодд. – М., 2004.
5. Meiggs, R. The Athenian Empire / R. Meiggs. – Oxford, 1972.
6. Renwick, N. America's Word Identity. The Politics of Exclusion / N. Renwick. – N. Y., 2000.
7. Kegley, Ch. American Foreign Policy / Ch. Kegley, E. Wittkopf. – N. Y., 1996.
8. Уткин, А. Новый мировой порядок / А. Уткин. – М., 2006.
9. Уткин, А. Вызов Запада и ответ России / А. Уткин. – М., 2003.
10. Андреевский, В. Кто откроет ящик Пандоры? / В. Андреевский // Деловой вторник. – 2008. – 1 апр.
11. Project for the New American Century, Statement of Principles, June 3, 1997, <http://www.newamerican-century.org>
12. Сорос, Дж. Мыльный пузырь американского превосходства / Дж. Сорос. – М., 2004.